

ДРАМАТУРГ написал пьесу. В ней он хочет поведать зрителям о наблюдениях и размышлениях на жизнь, рассказать о своих современниках. Он с нетерпением ждет сценического воплощения своего произведения. Не всегда это случается так быстро, как хотелось бы. Театры наши нетерпеливы и медлительны, причем особенно медлительны они в воплощении современной пьесы. Нередко от поступления пьесы в театр до ее выхода к зрителю проходит год. Причем из этого года меньше времени уходит на подготовку спектакля, а больше — на обсуждение и рассмотрение пьесы.

Но вот премьера сыграна. И автор, и актеры нетерпеливо раскрывают газеты, они ждут оперативного отклика на спектакль. Но иной раз от премьеры до рецензии на нее тоже проходит год. К сожалению, это не преувеличение!

Как-то в «Вечерней Москве» была напечатана рецензия, которая надолго запомнилась своим эпически спокойным началом: «Около года назад Театр имени Евг. Вахтангова возобновил постановку пьесы Гауптмана «Перед заходом солнца». Вечерняя газета, по своему жанру обязанная быть оперативной, откликнулась на спектакль через год. Невольно вспомнилась мне моя рецензентская молодость — она проходила в Ленинграде, в «Вечерней красной газете». Порядок там был такой: после премьеры, ночью, мы писали рецензию, а на следующий вечер она выходила в газете.

Могут сказать, что случай с «Вечерней Москвой» уникальный. Конечно, такие годичные выжидания встречаются не так часто, но тем не менее случай это не единственный. Буквально на днях в газете, призванной специально заниматься вопросами искусства, в «Советской культуре», появляется рецензия о спектакле Московского театра имени Пушкина «Как важно быть серьезным», где рецензент с тем же эпическим спокойствием пишет о том, что этот спектакль уже больше года пользуется большим успехом у зрителей. Может сложиться представление, что редакция завалена статьями о хороших спектаклях и им приходится ждать очереди по году.

Перечитайте книгу Станиславского, воспоминания старых актеров — там вы найдете страницы о том, как после премьеры они проводили беспокойные бессонные ночи — дожидались утренних газет с рецензиями. В наших газетах тоже иногда появляются рецензии на следующий день после спектакля, но это обычно бывает только тогда, когда приезжают гости — зарубежные театры.

Я предвижу протестующие голоса о вреде спешки. Но что такое газетная рецензия?! В отличие от критической журнальной статьи это отчет о прошедшей премьеры. Ни одна газета не позволит себе напечатать даже через три дня отчет о футбольном матче или о спортивном празднике. Почему же отчет о театральной премьеры можно напечатать через месяц или даже через год?!

Разговорами о вреде спешки прикрываются осторожность и нерешительность. В «Советской России» была напечатана статья о духотом представлении спектакля «Соседи по квартире» в Москов-

ском театре драмы и комедии. Можно было бы порадоваться отклику на юбилейный спектакль, если бы не одно обстоятельство — ни «Советская Россия», ни большинство других газет не обмолвились ни словом о премьеры этого спектакля.

Читатель ждет от газеты быстрого отклика на событие в художественной жизни. А газеты весьма медлительны и неторопливы в оценке, в рецензировании спектаклей. Разве мало у нас спектаклей, которые умирают, не дождавшись рецензий! В последнее время все чаще раздаются голоса о большем внимании критиков и редакций к новым книгам, а о нерцензуемых спектаклях (и кинофильмах) даже не вспоминают — к этому уже привыкли...

Вокруг каких пьес столкнулись критические копья за последнее время?! Только вокруг пресловутой «Фабричной девочки». О каких фильмах спорили в печати в последние годы? Только о картине «Летят журавли».

В последнее время чаще слышатся критические споры о постановках классических пьес, видимо, это спокойнее, чем обсуждать живые проблемы воплощения образов современников.

До сих пор продолжается шум вокруг спектакля Малого театра «Власть тьмы» в постановке Б. Равенских. Неодобрительные голоса вокруг спектакля послышались еще до премьеры — в самом театре. Противники спектакля, в том числе и уважаемые мастера, не отрицали талантливости спектакля, но утверждали, что это не Толстой. Эти мастера жили воспоминаниями о старых, хороших постановках пьес Толстого, они требовали от режиссера повторения того хорошего, что было уже сделано в искусстве. Но такие требования можно адресовать реставратору, а не художнику.

В отступлениях от Толстого упрекали Равенских во многих критических отзывах. Между тем в этом спектакле оказалось много неожиданного. В жестокой и беспощадной драме Толстого режиссер увидел и светлое, задумчивое — трагические сцены сменялись в спектакле лирическими. Но ведь еще Гоголь призывал взглянуть на старые пьесы свежими нынешними очами.

У Толстого в последнем действии подробно описана декорация: гумно, одне, ток, сарай, двор в глубине. У Равенских и художника Б. Волкова мы увидели только огромный стог золотистой соломы и бескрайнее небо. Они нарушили авторские ремарки, но финал толстовской трагедии неожиданно засветился новыми светлыми красками. Есть ли изливательства в этом талантливым спектакле?! Безусловно — есть и лишнее, и погрешности вкуса, но это все частные издержки талантливого новаторского спектакля.

Наши критики порой становятся излишне строгими, когда идет речь о воплощении классической пьесы. Здесь не прощается ни одна вольность и возводится в добродетель послушное следование авторским ремаркам.

Но чем больше и значительнее пьеса, тем больше смелости и творческой сво-

Л. МАЛЮГИН

боды требует она от поклонника. Режиссер не музейный гид, он не имеет права ходить на пыпочках вокруг великого произведения и говорить о нем почтительным шепотом.

Театр имени Вахтангова поставил «Гамлета». Виктор Шкловский написал об этом спектакле восторженную статью в журнале «Театр» (№ 5, 1958 г.).

Статья завершается следующей патетической концовкой:

«Гамлет» в Театре Вахтангова поставлен, и я решаюсь это сказать, как концерт...

Мне кажется такое решение новым и смелым потому, что оно выражает первенство, главенство гениальной трагедии над всем.

Могут быть другие решения великого произведения, но именно это кажется мне, исходя из всей истории советского театра, нужным, решительным и смелым.

Зритель слышит спектакль, зритель видит Гамлета, до зрителя доходит пьеса.

Театральность как бы отодвинута.

Превосходно слышно слово, драматургия фразы...

Мне кажется, что Шекспир у Вахтанговцев поставлен самоотверженно. Театр пропустил вперед драматурга, и это уважение к гению прекрасно.

Театр лишает зрителя театральности — того, ради чего зритель собственно и идет в театр, и получает за это не осуждение, а поздравление критика. Робость театра перед великой пьесой расценивается как самоотверженность.

В. Шкловский несколько раз приводил в своих выступлениях иронические слова про одного генерала: «в бою он застенчив». Режиссер тоже генерал (только, говоря словами гоголевского Осипа, — генерал с другой стороны) — он ведет за собой большую группу участников спектакля, ведет с намерением одержать победу. Почему же иные критики восторгаются застенчивыми режиссерами?!

В последнее время в критических статьях стали угрожающе часто появляться упреки по адресу Охлопкова. Несколько лет назад он поставил «Грозу». В «Учительской газете» этот спектакль был подвергнут сокрушительному разбору. Авторы статьи требовали его запретить, так как он искажает в глазах учащихся пьесу Островского (как будто задача театра — заменить учебное пособие). Другие критики, выступившие в защиту пьесы, в полемическом азарте перехвалили, с моей точки зрения, постановку. Мне кажется, что интересные режиссерские искания не всюду соединились в этом спектакле с выразительными актерскими образами. Сейчас после восхвалений этот спектакль снова начинают ругать. И по тому же испытанному методу — это талантливо, но это не Островский!

Мне далеко не все нравится в работах Охлопкова — этому талантливому, наделенному богатейшей фантазией, художнику часто, слишком часто, изменяет чувство меры. Но на его спектаклях всегда интересно, зритель всегда ожидает нового и никогда не обманывается в своих ожида-

ниях. Даже самые восторженные поклонники охлопковской постановки «Гамлета» находят в спектакле много излишеств. Но когда вы идете на охлопковский спектакль, у входа в театр вас встречают желающие купить лишний билет, а перед спектаклем «Гамлета» у Вахтанговцев вам предлагают лишний билет.

А. Лобанов поставил в Театре сатиры спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». На дискуссии в ВТО и на конференции, посвященной Островскому в Шеллево, этот спектакль атаковали литературоведы и театроведы. Литературоведы упрекали режиссера в нарушении авторских ремарок, театроведы — в пренебрежении традициями лучших спектаклей этой пьесы, в частности классических постановок Малого театра.

Лобанов много и плодотворно работает над Островским — он поставил несколько его пьес. И каждая из этих постановок была новаторской (в особенности примечательны «Таланты и поклонники» в Театре-студии Р. Н. Симонова и «Бешеные деньги» в Театре имени Ермоловой). Каждая в чем-то отступала от канонического прочтения Островского. И в своей последней постановке Лобанов прочитал пьесу по-своему. Однако в этой постановке живет истинный дух Островского. Получился веселый и злой спектакль, в котором серьезное обличение гармонически соединяется с веселой театральностью.

В каких только смертных грехах не упрекают режиссера суровые критики! Но всех — вплоть до эротики! Режиссер откровенно издевается над давно угасшими страстями бывшего доведаса Крутицкого, над притворством Глумова, лениво обнимающего свою любовницу, а строгие критики неодобрительно смотрят на эти «эротические сцены», не замечая дружного смеха всего зала. Впрочем, потом на дискуссии, выговаривая режиссеру за фарсовые приемы, они назовут этот смех нездоровым!

Вопрос о классике очень серьезный, ибо нигде так не чувствуются робость и осторожность режиссуры, как при воплощении классических пьес (тем более, что эта робость нередко поддерживается критикой). И получается грустная картина — бессмертные пьесы очень скоро сходят со сцены. Несколько лет назад широко отмечалось 50-летие со дня смерти Чехова. Два московских театра поставили «Чайку», один — «Вишневый сад» и один театр «Иванова». Из всех этих спектаклей в репертуаре удержался только «Иванов» — худшая из чеховских пьес, но нашедшая свежее и оригинальное режиссерское решение. В ближайшие годы мы будем широко отмечать юбилей Гоголя, Чехова, Толстого. Надо подойти к их бессмертным творениям с творческой смелостью, взглянуть на них свежими нынешними очами, а не восстанавливать мизансцены и гримы по старым фотографиям.

Служение муз не терпит суеты, но оно не терпит и осторожности, робости, нерешительности. В смелых исканиях, в творческом риске будут завоеваны новые открытия и победы в нашем искусстве.